

НА СТУПЕНЯХ ВАРШАВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

К 30-летию Союза литераторов России

В 1990 году, накануне знаменитого Съезда народных депутатов РСФСР, творческая делегация поэтов, бардов, переводчиков Союза литераторов (тогда ещё Экспериментального творческого объединения «Комитет литераторов», бывшего Профкома литераторов при Литфонде СССР с включением в него в виде отдельных секций **Клуба «Поэзии»** и творческого объединения авторов песен **«Первого Круга»**), была приглашена на Славянский фестиваль в Варшаву. Впрочем, как точно назывался фестиваль, среди участников творческой группы сейчас существуют разночтения. А фактически, это была первая зарубежная поездка Союза литераторов, хотя и название организации ещё «не устоялось», и съезд пройдёт в декабре, но все участники литературного «польского вояжа» станут через семь месяцев членами Союза литераторов.

А Польша бурлила студенческими выступлениями, поддержкой Солидарности, пришедшей в том году к власти, надеждами на лучшую жизнь и безусловную справедливость.

Я не первый раз приезжал в Польшу, уже видел музей в Освенциме, мне, тем более, хотелось и узнать побольше о своих польских «корнях». Мой отец, Юрий Николаевич Цесельчук, знал, в отличие от меня, польский язык, и перед моим отъездом в Варшаву написал подстрочник стихотворения польского поэта Станислава Цесельчука, участвовавшего, судя по всему, в 1944 году в Варшавском восстании, организованном польским правительством в изгнании и руководством Армии Крайовой против Третьего Рейха. Сталин считал Варшавское восстание несвоевременным и провокационным, поэтому наши войска восстание не поддержали.

Сразу после подавления фашистами Варшавского восстания, Станислав Цесельчук покинул Варшаву и уехал на Подгалье, а в 1945 вернулся в свой родной город Грубеж, где умер от туберкулёза в ноябре того же года в возрасте тридцати девяти лет.

Армия Войска польского стояла в дни восстания на другом берегу Вислы, отец, двадцатитрёхлетний капитан Войска Польского, видел всё происходящее своими глазами. У него в пылающую Варшаву ушла половина роты поляков, они рвались поддержать восставших, форсировали на подручных средствах Вислу, но все погибли при жесточайшем подавлении восстания фашистами.

Через несколько дней после приезда на фестиваль в Польшу, поэты Союза литераторов выступали с чтением своих стихов на ступенях Варшавского университета. А я прочёл стихотворение Станислава Цесельчука, выпускника Варшавского университета, это стихотворение я перевёл по подстрочнику своего отца:

КАНУН

На скатерти стопка оплаток,
А под ней – душистое сено, –
Снова вижу, милая хата,
Твои с детства родные стены.

В угол сноп ржаной из овина
Принеси, отец, как всегда. –
Пусть звенит – этой ночью длинной
Рождества заблещет звезда.

Озарится сияньем рама,
Снег коляды о детстве споёт.
Я вернулся, милая мама,
И уйду, и вернусь через год.

Нынче Рождество во Вселенной!
Вновь Христос родится в яслях.
Отец, мама! Целую смиренно
Ваши руки крестьянские я.

Stanisław Ciesielczuk
1906—1945

WIGILIA

Pod serwetą wonna warstwa siana,
Na serwecie opłatków książeczka —
Znów cię widzę, chałupo kochana,
Chłopska chato, znana mi od dziecka.

Ze stodoły weź, ojczy, snop żyta,
I tu w kącie jak co roku postaw.
Niech zadzwoni, niech do nas zawita
Święta Wilia, po dawnemu prosta.

Gwiazdy same podejda do proga,
O dzieciństwie śnieg kolędę zanuci! —
Powróciłem, matko moja droga;
Jeszcze nieraz odejdę, by wrócić.

Jak za przeszłych wigilijnych wieczorów
Znów dziś Chrystus rodzi się w stajence,
Ojczy, matko! całuję z pokorą
Wasze szorstkie, twarde, chłopskie ręce.

Тогда на нашем выступлении в Варшаве поляки, ещё не забывшие Великий и Могучий, принимали стихи своего соотечественника «на ура». Много расспрашивали об отце. И я рассказывал, как он, служивший на Дальнем Востоке, в армии узнавший о начале войны, выучил самостоятельно польский язык и, обратившись непосредственно к Ванде Василевской, как человек с польскими корнями сын пропавшего без вести майора Красной Армии Николая Цесельчука (моего дела).

После войны выяснилось, что пока отец воевал в рядах наших союзников в Войске Польском, дед был заключенным Освенцима, бежал в 1945-ом в сторону Праги и стал участником Пражского восстания...

А более подробно о нашем путешествии на фестиваль в Польшу в 1990 году написала Надежда Сосновская, поэт, бард, переводчик, член секции «Первый круг» отделения «Авторы песен» Московской организации литераторов Союза литераторов России.

Что касается Сергея Рыженко, упоминаемого в воспоминаниях Нади Сосновской, то в моей книге «В рай как прежде открыта калитка...» есть посвященное ему трёхстишие, написанное тогда в Варшаве

:
*Ест крыжовник Серёга Рыженко
у Сереги красавица жёнка
и ещё есть в загашнике жжёнка*

Последняя строка, с учётом надиных воспоминаний, читается так: не вся водка нашей делегации ушла на «спасение» паспорта перебежчика Вытопецкого... Так что у нас ещё оставалось, что поставить на стол после выступления в Варшавском универе, а поляки в столовке расщедрились на закуску...

*Дмитрий Цесельчук, председатель Совета МОЛ СЛ РФ, почетный
председатель Союза литераторов России 03.02.2021.*

Надежда Сосновская

НА ГРАНИЦЕ ТУЧИ ХОДЯТ ХМУРО

Дело было в том году, когда в Польше победила «Солидарность». Но ехали мы в Варшаву веселой компанией еще до победы Леха Валенсы со товарищи – в самый разгар предвыборной борьбы. Веселая компания из бардов и «новых поэтов» была включена в состав многочисленной – аж на полтора вагона! – делегации всевозможных выступальщиков, ехавших на фестиваль под многозначительным названием «Молодость славян».

В предрассветных сумерках поезд пересек российско-польскую границу. Помнится: за окном синева, а прямо у рельсов заросли каких-то немислимых синих

цветов. Примерно через час мы остановились в Белостоке, где в вагон должны были наведаться польские пограничники. Нас заранее предупредили, чтобы мы вели себя с ними как можно более корректно – лишних вопросов чтобы не задавали, не шутили, и так далее...

И вот в наше купе, где кроме меня ехали классик авторской песни Володя Бережков, скрипач-универсал Сережа Рыженко, широкой публике хорошо известный по проекту «Последний шанс», а также по культовому фильму «Асса», и Дима Цесельчук, председатель Союза литераторов России, которому, собственно, мы и были обязаны участием в этой поездке – итак, в это заселенное творческими личностями купе вошел остроглазый, невысокого роста страж рубежей Речи Посполитой, в аккуратной, с иголочки, военной форме.

- Попрошу ваши паспорта, - строго выговорил пограничник по-польски.

Мы подали ему заблаговременно приготовленные паспорта. Пограничник их внимательно изучил, сверил наши физиономии в документах с имеющимися в наличии, вернул паспорта... и тут вдруг в купе ввалился изрядно пьяный член нашей делегации по фамилии Вытопецкий. Собственно говоря, именно этой своей фамилии он и был обязан тому, что его пригласили в поездку. По слухам, он был урожденным поляком, неплохо знал язык, вот его и позвали – вроде как переводчиком.

Вытопецкий, как только сел в поезд, сразу начал резко и много выпивать, и ко времени прихода пограничников был уже готовенький, однако на ногах еще худо-бедно держался. Так вот – подходит он к пограничному ляху, берет его (у меня даже дыхание перехватило!) за лацкан мундира и говорит (перевожу с польского):

- Я – поляк. Польша – моя родина, и я очень хочу здесь остаться!

Погранец его руку брезгливо со своего мундира стряхнул и не сбиваясь со строгого тона, говорит:

- Попрошу ваш паспорт.

Вытопецкий ему радостно паспорт вручил.

- Попрошу, - все в том же невозмутимом тоне продолжает пограничник, - вашего керовника.

Это, стало быть – руководителя делегации.

Дима побежал в конец вагона, и через несколько минут вернулся с заспанным, замученным нашим «керовником», который только два часа назад плюхнулся на полку, чтобы отойти от общения с нашими, российскими пограничниками и таможенниками, обнаружившими, что масса везомых в вагоне музыкальных инструментов не внесена рассеянными музыкантами в декларации...

- Этот гражданин, - сурово поведал поляк на чистом русском заспанному «керовнику», - попросил политического убежища в Польше. Я конфискую его паспорт. Ему придется сойти со мной с поезда здесь, в Белостоке.

«Керовник» в отчаянии плюхнулся на нижнюю полку. Я наблюдала за происходящим, лежа на верхней, и затравленно молчала.

Не говоря ни слова, Бережков и Цесельчук достали из-под сидений чемоданы, а из чемоданов – по бутылке «Столичной». Ну, и пошло-поехало. Чего только не обещали мои товарищи поляку! И приглашение в Москву, а не надо в Москву – так в Сочи, на море! «Керовник» дал ему свою визитную карточку, где было прописано, что он – директор молодежного досугового центра. Все, вроде бы, шло, как по маслу. «Столичная» употреблялась поляком благодарно и обильно, и он с каждой выпитой стопкой добрел на глазах. Но до главного – то есть до вызволения конфискованного паспорта Вытопецкого (которого, кстати, мои товарищи изгнали из купе), все как-то не доходило.

Поезд стоял и стоял в треклятом Белостоке. Через некоторое время на свет появилась еще одна бутылка водки. Пограничник, чувствуя, что видимо, настал момент, когда дальнейшее употребление горячительного может плохо сказаться на чести его

мундира, сбегал в соседний вагон, переделался в гражданское – я так понимаю, что у него была припасена одежда как раз на такой случай – и вернулся, да не один, а с напарником-капралом. А сам он, вроде бы, был в звании поручика.

Еще какое-то время бедные мои товарищи пили водку с поручиком и капралом, и все шло хорошо. Капралу тоже пообещали прислать приглашение куда бы он ни пожелал. А паспорт гадского Вытопецкого все еще лежал в сумке типа «планшет» у поручика...

После третьей бутылки капрал, как ранее поручик, резко подобрел, а вот с поручиком вдруг случилась странная метаморфоза. Взыграла «пся крев», показала себя во всей красе. Неожиданно переодетый в гражданское поручик тупо воззрился на визитную карточку «керовника», которую все время вертел в руках и успел порядком измять.

- Ди-рек-тор... - произнес пограниц брезгливо и уставился на хозяина карточки. – Какой ты директор? – презрительно добавил он. – Чего ты директор? – С этими словами он демонстративно порвал несчастную «визитку».

Повисла тягостная пауза. Цесельчук слазил за очередной бутылкой. Я глянула на мирно спавшего на противоположной верхней полке исполнителя «Мочалкина блюза», горько вздохнула, свесилась с полки и внятно, как малому ребенку, принялась втолковывать пьяному поляку, что такое «молодежный досуговый центр». Видимо, моя дидактичная манера изложения несколько отвлекла поручика от того, какое направление приняли его мысли.

- Вот! – сказал он, подняв стакан, который Дима уже успел наполнить водкой. – Вы все тут дураки! Одна пани у вас умная и красивая.

Ну, что тут было делать? Надо было срочно закреплять достигнутый успех. Поэтому я быстренько спустилась вниз, подмигнула Диме, и он мне тоже плеснул водки. Рыженко мне потом говорил: «Я проснулся, ничего не понимаю. Глянул вниз – вижу: Надька водку пьет. Посмотрел на часы – четыре утра. Ну, думаю, дела... Чтобы ты в четыре утра водку пила...»

А я достала гитару, и поскольку капрал, покуда добрый был, рассказал, что жена у него – украинка, запела я украинские песни, коих знаю немало. Поляк опять подобрел, стал подпевать. Мы с ним заливаемся – «Рэвэ та й стогнэ Днипр широкий», «Чорнии очи, карие брови», а мужики притихли – ждут, чем дело кончится – отдаст этот лях паспорт или нет, а то ведь придется отдавать ему нашего Вытопецкого. Не то, чтобы так уж он нам дорог был – можно было бы и отдать, за все-то хорошее. Но все-таки жалко было: столько водки влили в этого поручика, и вообще...

Однако стоянка в Белостоке близилась к концу, и когда поезду оставалось стоять всего-то минут пять, в купе вошел наш, русский проводник.

- Прошу посторонних выйти из вагона, - сурово возвестил он.

- Тут нет посторонних, - пьяно моргая, отозвался поручик. – Я – польский пограничник!

И, как бы в доказательство своих слов, открыл сумку, вынул из нее конфискованный паспорт Вытопецкого и помахал им под носом у проводника. А проводнику он уже - и не пограничник никакой. Он же в гражданском!

В итоге мускулистый наш проводник взял поручика за ворот гражданской рубашки и из вагона на платформу вытолкал. Только-только Дима успел из руки пьяного ляха паспорт выхватить.

Поезд тронулся, а поручик, которого почти что нес на себе капрал, благоразумно покинувший вагон без услуг проводника, еще долго кричал вслед:

- Не маете права! Я польский пограничник!

С Вытопецким после этого случая все не разговаривали. С горя он сразу из Варшавы умотал в Краков, к родным, и до самого отъезда не появлялся.

Ну, а мы, приехав в Варшаву, встретились с организаторами фестиваля, обнаружили, что нам предлагают выступить на открытых площадках – в парке у памятника Шопену. Шопен Шопеном, великий композитор, спору нет – но мы-то, барды и

поэты, рассчитывали на уютные камерные залы, на публику из рядов тонкой польской интеллигенции... Словом, мы наотрез отказались выступать в парке, и что интересно, никто нас за это не наказал и домой не отправил. Другие – фольклористы, к примеру – с большим успехом там выступали. А мы... мы гуляли по городу, делали всякие приятные покупки. Это мы с Бережковым. А люди вроде Игоря Иртеньева, Вити Коркия и Володи Друка целыми днями братались с «Солидарностью» и бегали по предвыборным штабам, которых тогда в Варшаве было невероятное множество. Их номера в гостинице были завалены плакатами, наклейками и футболками «Солидарности». И вот в один прекрасный вечер прибегают наши поэты-демократы в гостиницу и кричат:

- Народ! Собирайтесь-одевайтесь, хватайте гитары и бегом! Мы через час выступаем в Варшавском университете. Там студенты забастовку устроили, надо их морально поддержать.

Мы быстренько собрались – ну, действительно, надо же хоть один концерт-то дать, не зря же гитары везли – и поехали в университет.

Читали стихи и пели песни в вечерней аллее перед входом в университет, под вековыми липами. Поначалу студенты слушали нас прохладно, но потом разошлись, стали подхлопывать и притопывать. А потом гитара пошла по кругу, и мы впервые услышали польские авторские песни – очень, кстати красивые и мелодичные. Одну из них мы с Бережковым потом долго напевали – Вацека Кочмарского, про то, что «муре руно» – то бишь, «стены рухнут». Расстроженные студенты нас потом отвели в столовку и накормили, чем Бог послал.

Затем мы вышли на улицу, а там... телевидение! «Би-би-си!» «Кто, - спрашивают, - может у вас по-английски интервью дать?» Ну, меня и выпихнули. Первый вопрос был: «Как вы относитесь к последним событиям в России?» А шут его знает, какие там последние события – у нас в гостинице телевизоров не было, газет наших тоже... В итоге я гордо вымолвила красиво построенную английскую фразу: «We are living the life of our country», что означает «Мы живем жизнью нашей страны». Далее последовал другой провокационный вопрос: «Как вы относитесь к этой забастовке?» А мы со студентами о чем угодно говорили, только почему-то не о забастовке. «Простите, - смущенно ответила я, - мы здесь песни пели и читали стихи, и это было удивительное такое единение народов...»

Телевизионщикам мои обтекаемые ответы явно не понравились, и они устремились к поэтам. С ними они и по-русски согласились говорить. Ну, а уж поэты-то наши им все по полной программе доложили – и про то, как «мы живем жизнью своей страны», в том числе.

А когда мы уходили, один парень, студент, проводил нас за ворота и сказал вот что:

- Этот вечер – лучшее из того, что сделала Россия для Польши за всю историю наших отношений.

Вот так-то.

А Бережков наклейку с надписью «Солидарность» приклеил на кофр гитарный. И когда он как-то раз ехал в Москве в метро с этим кофром, на него вдруг навалились трое пьяных, но очень милых поляков и принялись его обнимать и целовать за эту, родную их демократическим сердцам наклейку. Ну, Вовка им, конечно, напел мотивчик про те стены, которые рухнут. Да они уже и так рухнули – как только поляки наклейку увидели.

P.S

Прошло больше десяти лет. В 2002 году я ехала на гастроли в Германию. Глубокой ночью поезд остановился на польской границе. Пограничник бодро проштамповал мой паспорт, потом в купе зашел таможенник.

- Что пани везет? Водка, сигареты?

- Водки нет, - четко отрапортовала я. – Сигарет – восемь пачек.

- О, у пани гитара! Пани играет?
- Да, пани играет и сочиняет песни.
- О! Пани везет компакт-диски? – обрадованно насторожился таможенник.

А я как раз для того, чтобы не радовать и не настораживать польских таможенников, дисков специально взяла всего три штуки, разных, а плюс к ним – пачку пустых «болванок», чтобы размножить свою музыкальную продукцию в Берлине.

- Да, - кивнула я. – Могу показать.

Вытащила из сумки и протянула таможеннику три своих альбома.

- О! Сос-нов-ская! – воскликнул таможенник. – Так то есть польская фамилия!

Мне бы не возражать, но привыкла я правду говорить.

- Это по мужу, - говорю я. – У него польские корни.

Но таможеннику почему-то не захотелось расставаться со своей национальной идеей.

- Ну, - не отрывая глаз от обложки моего диска, проговорил он глубокомысленно. – Надежда... Надея! Это тоже польское имя!

Затем он пожелал мне всяческих успехов, отковырял и удалился.

Я благополучно доехала до Берлина. Диски размножили, начались гастроли.

Один из концертов проходил недалеко от Берлина, в доме у близких друзей моего берлинского товарища Андреаса Вайе. Это был второй опыт выступления русских бардов перед немцами. Сначала Андреас читал перевод моих стихов на немецком, потом я пела.

На этот концерт Андреас прихватил из Берлина своего польского коллегу Марек, который в это время стажировался у них в университетской биологической лаборатории. Марек по-русски когда-то давно говорил и почти все забыл, поэтому мы с ним общались по-английски.

Оказалось, что Марек приехал в Германию на машине, и что машина у него очень древняя, марки «Полонез».

- Ой, «Полонез»! – воскликнула я. – Ведь так же называлась знаменитая яхта! Я читала книгу польского яхтсмена... Называется «На «Полонезе» вокруг света!

Марек напомнил мне, как звали яхтсмена, завязался разговор. После концерта мы еще поболтали. Я подарила поляку свой диск, он был очень тронут. А по пути в Берлин я поведала ему вышеизложенную историю.

- Надя, а хотите, я вам пришлю диск Качмарского? – спросил Марек.

- Очень хочу! – без раздумий ответила я.

Я ждала, что диск придет по почте, а прибыл он с оказией.

У европейских биологов был конгресс в Испании. Там Марек встретился с Андреасом и передал для меня диск Качмарского. Изрядно попутешествовав по Европе, этот чудесный кусочек Польши наконец водворился у меня в доме.

И это – лучшее из того, что Польша сделала лично для меня!